

«НОВАЯ ЗЕМЛЯ»: ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ, ИХ ОСВОЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

О.Б. Подвинцев, *Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН*

В рамках исследования империй и постимперских политических систем особое место занимают переселенческие территории – так называемые «новые земли». В данной работе представлены план книги и собранные для нее материалы, посвященные разнообразной проблематике, связанной с освоением и социально-политическим развитием «новых земель», а также их судьбами в постимперскую эпоху.

Ключевые слова: империя, переселенческие территории, аборигены, миграция, управление, идентичность.

Политику можно изучать по-разному. Можно анализировать большие массивы данных, программы политических партий, их результаты на выборах, рейтинги и опросы общественного мнения. Можно разрабатывать абстрактные теоретические схемы, моделировать ситуации, выстраивая сложные констелляции факторов, ресурсов, стратегий. А можно идти от конкретных людей и событий, реальных процессов и практик. Олег Борисович Подвинцев предпочитал последний вариант. Не потому, что он лучше, все варианты по-своему хороши, и он, как серьезный ученый, понимал, что каждый метод имеет свои плюсы и минусы. Наверное, причина в том, что так ему было интереснее, а он любил делать то, что интересно и умел видеть и находить новое и интересное в самых разных областях. Возможно, поэтому круг его научных интересов был невероятно широк, да он и сам постоянно расширял его, обнаруживая что-то новое в самых неожиданных сферах, делая эту

сферу интересной и для себя, и для окружающих – коллег, учеников.

Еще студентом исторического факультета он увлекся политикой британских консерваторов, в 1992 году защитил кандидатскую диссертацию «Типология современного британского консерватизма». В принципе, он мог бы и дальше разрабатывать эту тематику, для этого были все основания, но в 1990-е годы политика «началась» в России, и она оказалась невероятно интересной. Новые партии, выборы, разнообразие политических процессов в разных регионах, городах – и это были живые люди, живые события, «здесь и сейчас», а не в далекой Великобритании. Трудно представить, чтобы Олег Борисович Подвинцев прошел мимо этого. И он не просто наблюдал со стороны, он принимал активное участие в новых процессах – как политический консультант, как политический эксперт и аналитик. Такая включенность давала ему то, чего он всегда хотел – знание людей, событий и процессов изнутри.



ОАЭ 2012 г.

Редкий случай: чаще всего люди, включенные в процесс, теряют необходимую для исследования своего предмета отстраненность, Подвинцев же всегда отличался тем, что умел играть, мыслить по-разному и переключаться. Это позволяло ему быть и экспертом, и консультантом, и исследователем политики.

И еще одна роль, которая была ему интересна – создавать и развивать сообщество политологов. Олег Борисович был одним из инициаторов открытия специальности «Политология» в Пермском университете, многие годы работал профессором кафедры политических наук. Он увлекал студентов интересными исследовательскими сюжетами, неожиданными поворотами, своими знаниями о том, как «делается политика». И он сам был увлечен этим, много работал со студентами и воспитал целую группу успешных в науке учеников. В начале 2000-х годов ему удалось создать в Перми

филиал Института философии и права УрО РАН, который сейчас продолжает работу как отдел по изучению политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН.

Впрочем, британские консерваторы никуда не делись, наоборот, они дали импульс новым идеям и проектам. Можно гадать, что именно оказало наибольшее влияние на круг его интересов – имперский аспект британского консерватизма, возникший еще в детстве интерес к истории и географии или российская политическая действительность (одна из книг, которую редактировал О.Б. Подвинцев, так и называлась: «Такая разная Россия»). Скорее всего, все вместе. Трудно обозначить тематику его исследований какой-то одной фразой. Может быть, ближе всего будет такая – «новые земли». Новые в самом широком смысле. Новые как открываемые. Новые как необычные. Новые в соотношении со

«старыми». И как эти новые земли осмысливаются, и как они политически организуются, и почему это происходит по-разному в разных случаях. И многое другое.

«Империи» – в каком-то смысле такая тема, такой предмет, где фокусируются все эти вопросы. Империя – живая конструкция, по определению, не имеющая ни пространственных, ни временных границ. Это бесконечный процесс открытия, освоения и потери новых территорий, политических трансформаций, политико-идеологических споров и т.д. Возможно, это предопределило особый интерес О.Б. Подвинцева к имперской тематике. В 2002 году он защитил докторскую диссертацию на тему «Постимперская адаптация консерватизма», которая была насыщена множеством идей, выходящих далеко за рамки названия работы. Ведь постимперскость – особое и невероятно интересное состояние политического общества, а проблема адаптации к постимперскому состоянию не-

роятно актуальна для многих стран, в том числе для современной России.

Продолжая размышлять над этими проблемами, Олег Борисович выходил на самые разные сюжеты в своих исследованиях и каждый раз находил в них новые аспекты – формирование макрорегионов (Сибирь, Арктика) и макрорегиональных идентичностей, их соотношение с общенациональными, региональными и локальными сообществами. «Страны», «острова», «города», «столицы» – трудно перечислить весь набор тем, которыми он занимался, но это всегда были живые темы. Поэтому так важны были для него поездки в разные «земли», встречи и разговоры с живущими там людьми: и с учеными, экспертами, и с простыми жителями. Это давало восприятие контекста, пищу для размышлений и обобщений. Причем ему было одинаково интересно наблюдать жизнь как в маленьком затерянном сибирском, или уральском, или среднерусском городке, так и в столице



Австралия 2013 г.

большого государства или крупного региона. Особенно, конечно, если речь шла об имперских образованиях, имперских и постимперских столицах, полуперифериях и перифериях. Аланды как западный форпост Российской империи, жемчужина Британской империи Индия, Австралия, нидерландские Карибы, самая крупная африканская империя Эфиопия... Не все планы удалось реализовать, но главная книга, над которой он работал много лет, – «Империя и споры о ней» – написана и будет издана. Наверное, он успел бы сам ее опубликовать, но в ходе работы он увлекался и отвлекался на новые сюжеты и повороты.

Из них должны были вырасти другие книги, которых уже не будет. Но остались наброски двух книг, которые публикуются ниже.

Первый так и называется – «Новая земля»: Переселенческие территории, их освоение и развитие». Несмотря на то что текст далек от завершения, есть план книги, хорошо продуманный и выстроенный с точки зрения набора сюжетов. Это, несомненно, будет полезно тем, кто занимается данной проблематикой. А собранные материалы по отдельным главам – просто интересны, как и все, что писал О.Б. Подвинцев. Второй набросок остался без авторского названия, он посвящен столицам.

Петр Вячеславович Панов



Индия 2012 г.

«НОВАЯ ЗЕМЛЯ»:
*Переселенческие территории,
 их освоение и развитие*

*ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ОБЪЕКТА
 МОТИВЫ И ИДЕОЛОГИЯ ОСВОЕНИЯ
 АБОРИГЕНЫ
 ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЫ
 МИГРАЦИОННЫЕ ВОЛНЫ
 ГЕНДЕРНЫЙ ДИСБАЛАНС
 ЭКОНОМИКА
 ГОРОДА
 КАНТРИСАЙД
 СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ
 МЕНТАЛИТЕТ
 ИДЕНТИЧНОСТЬ И СИМВОЛЫ
 ПЛАВИЛЬНЫЙ КОТЕЛ
 ОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИЙ
 ОТНОШЕНИЯ С МЕТРОПОЛИЕЙ*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ОБЪЕКТА

Освоение «новой земли» регулируется государством – речь идет о переселенческих территориях в составе империй. Однако до завершения процесса освоения (создания новой «страны», нового общества) они могут переходить от одной империи к другой – Квебек, Капская колония.

История знает немало примеров неудачного освоения новых территорий – Гренландия, Суринам.

Переселенческой территорией в рамках Японской империи мог стать Сахалин, но этому помешала жесткая национальная политика, вплоть до включения Карафуто в 1943 году в состав собственно Японии. Если бы политика в отношении Сахалина была иной, вполне вероятно, что и его судьба в условиях распада Японской империи была бы иной.

Л. Аксенов и А. Фетисов утверждали, что «мелкие острова Вест-Индии, не располагавшие запасами благородных металлов и значительным населением, не представляли для Испании экономической ценности и не осваивались». В подтверждение они приводили тот факт, что «в конце испанского владычества на Тринидаде, который в 1797 г. перешел к Англии, численность населения не превышала 3 тыс. человек, причем большинство его составляли французы, бежавшие несколькими годами раньше с охваченных восстаниями Гаити и Мартиники» [1, 12]. Те же авторы под «переселенческими» понимают лишь колонии, осваиваемые «белыми колонистами», создающими «мелкие поликультурные крестьянские хозяйства». Переход на английских островах в Вест-Индии к плантационному хозяйству с использованием труда привозимых рабов, а затем наемных индийских кули, как можно было понять, по мнению данных авторов, меняет типологическую характеристику данных владений [1, 12].

Уникален случай Крыма. На протяжении многих столетий это была важная периферийная территория на стыке Моря и Степи. Новый этап в истории Крыма начинается с вхождением в состав Российской империи в конце XVIII столетия и продолжается вплоть до окончания Второй мировой войны. Все это время освоение и новое заселение этой территории шло параллельно с очищением от многообразного прежнего населения, сложившегося здесь в течение предшествовавших эпох – выселение христиан в Приазовье, первая (после завоевания) и вторая (после Крымской войны) миграции крымских татар, бегство в конце Гражданской войны (в частности караимов), сталинские выселения.

На территории Калининградской области произошло нечто подобное, но в гораздо более сжатые исторические сроки. Это самый показательный, но не единственный пример такого рода в рамках советской империи. То же произошло, например, с отторгнутым от Финляндии (и шведским по своему основанию) Выборгом.

Расселение черкесов, бежавших от русского завоевания в пределы Османской империи должно характеризовать особенности различных ее территорий.

Созидательный характер освоения переселенческих колоний признавали даже самые пристрастные критики империализма. «В те годы, когда Англия под флагом Ост-Индской компании грабила Индию, а под “юнион-джеком” – другие колонии, в Австралии грабить было нечего. Здесь нужно было создавать» – говорилось в советской детской книжке начала 1960-х годов, повествующей о распаде Британской империи [6, 143].

В континентальных империях переселенческие территории могут соприкасаться с национальными окраинами. Линия разграничения между ними может быть достаточно размытой и подвижной, но все же, как правило, связана с теми или иными природными рубежами. В Российской имперской системе такие соприкосновения имели место, например, на Кавказе и в Северо-Западном Причерноморье.

МОТИВЫ И ИДЕОЛОГИЯ ОСВОЕНИЯ

В свое время отечественная исследовательница М.М. Яброва провела анализ английской литературы XVI-XVII веков (времен зарождения империи), пропагандирующей колониальные захваты. В результате она пришла к вполне обоснованному выводу, что авторы данного периода, выдвигая идею экспансии, «приводили массу аргументов ... вполне материальных и осязаемых и только на основе этого говорили о “славе нации”, “величии короля” и т.д.». Среди таких аргументов – экономическая выгода, включая захват богатств и сокровищ, возможность удаления с Британских островов «избыточного» населения, необходимость противостоять Испании, которая уже обзавелась обширными владениями за морем.

Правильно оценить значимость той или иной территории для последующего освоения бывает сложно не только на начальном этапе процесса. Достаточно вспомнить обмен Голландией будущего штата Нью-Йорк на территорию нынешнего Суринама или сомнения, которые были у английского правительства после окончания Семилетней войны – что из владений Франции в Западном полушарии

лучше отобрать у этой страны и присоединить к своим – Квебек или Гваделупу и ряд других островов Вест-Индии?

После Франко-Прусской войны французский политик и историк Жозеф д'Оссонвиль организовал и возглавил «Ассоциацию эльзасцев и лотарингцев», для оказания помощи жителям завоеванных немцами территорий, желавших сохранить свою французскую национальную идентичность, переселившись в Алжир.

АБОРИГЕНЫ

На этапе освоения (колонизации) пионерами оказываются востребованными достижения материальной культуры аборигенов – то, что помогает переселенцам в максимальной мере приспособиться к новым природно-климатическим условиям. Духовный мир, общественный строй, обычаи коренного населения мало интересуют колонистов. Образ «дикаря», как правило, не подразделяется, а лишь конкретизируется в том или ином народе или группе народов, с которыми имеют дело переселенцы.

ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЫ

Точно зафиксировано число первых поселенцев (преимущественно каторжан), высадившихся на берегу Австралии.

Именно из первопоселенцев формируется новая аристократия, гордящаяся своей родословной. Ее представители не очень держатся за свои этнические корни, поскольку их статус связан именно с «новой землей».

«Есть люди, которым органически присуще обживать новые места, находиться в среде деятельных и энергичных новоселов»¹ [10].

МИГРАЦИОННЫЕ ВОЛНЫ

Интенсивность миграционных потоков всегда определяется сложным набором объективных и субъективных факторов. Объективные стимулы могут быть связаны как с территорией-донором (осложнения ситуации – например, разразившийся голод или начавшиеся массовые гонения в отношении тех или иных групп), так и с территорией-реципиентом (обнаружившиеся новые преимущества – например, открытие месторождений золота). Простейшим примером направления миграционных потоков путем принятия субъективных волюнтаристских решений является посылка в колонизируемую территорию каторжников и ссыльных, а также создание в ней гарнизонов и военных баз. Однако и эти решения могут носить в ряде случаев вынужденный характер и определяться перенасыщенностью страны-донора осужденными (Англия в отношении Америки и Австралии), а также изменением военно-стратегической ситуации.

Если первая волна миграции оказывается малочисленной и достаточно оторванной в хронологическом отношении от последующих, да к тому же несбалансированной в гендерном отношении, это ведет к образованию на основе метисации особых этнических групп, сохраняющих затем в течение длительного

¹ Речь в отрывке, из которого взята цитата, идет о странствиях Григория Сковороды по Слобжанщине в 70-80-е гг. XVIII в

периода свою самобытность и особую идентичность в новом, уже переселенческом, обществе. Примером такой группы являются камчадалы.

Случаи очищения одной территории с одновременным освоением другой – выселение Екатериной II христиан из Крыма в Приазовье.

«На рубеже 70-80-х годов XVIII в. на Багамы прибыло около 630 семей североамериканских сторонников колониального режима, решивших остаться под британской короной (фамилии этих семейств и сегодня распространены на островах). Они привезли с собой негров-рабов, и таким образом население Багам увеличилось с 4 тыс. человек в конце 70-х годов до 11 тыс. в 1789 г.» [1, 59].

«В 1891 г. в Кубанском войске принимается новое «Положение об общественном управлении станиц», где говорилось: “Казаки должны стараться обособляться от иногородних, всячески проводить различия между ними и собою, тщательно смотреть, чтобы иногородний как-нибудь не воспользовался чем-нибудь таким, что собственно принадлежит казаку, вообще чтобы казаки во всем и всегда имели место выше, чем иногородние”. Запрещены были браки между казаками и иногородними, казаки и иногородние старались селиться обособленно друг от друга» [7]. «Как свидетельствуют архивные данные, в мирные дни станичное общество не было единым. Всегда существовала вражда между казаками и иногородними, между богатыми и бедными. Иногородняя беднота была беззащитна перед лицом домовитых соседей – казаков. Их никто не защищал. Не дай бог было «хохлу» или «кацапу» выехать на паром прежде гонористого казака. Порка плёткой была обычным, но не самым страшным наказанием за это. Случалось, что расхорившийся станичник убивал иногороднего и отделывался лёгким наказанием. «Хохлам» не полагалось иметь в станице землю, все продукты нужно было покупать. Даже домашнюю птицу они содержать не имели права. Любому злому соседу ничего не стоило пострелять из ружья уток или кур, если они появятся на улице» [5].

В Сибири отношения между «новоселами» и «старожилами» тоже часто бывали конфликтными. Барон А. Будберг в дневнике, который вел в годы Гражданской войны неоднократно фиксировал версию, что «главными заправилками всех восстаний» в тылу армии Колчака являются «новоселы», «стольпинские аграрники, не приспособившиеся к сибирской жизни и охочие на то, чтобы пожить за счет богатых старожилов» [4, 261, 308].

Однако новые волны иммиграции стирают различия между старыми. Существует вариант ухода «старых» переселенцев на новые земли для того, чтобы сохранить свою самостоятельность и традиции – треки буров в Южной Африке, которые начались еще при власти нидерландской Ост-Индской компании, но наибольший масштаб («Великий трек») приобрели уже при англичанах.

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСБАЛАНС

Поскольку, добровольно оставляя родительский дом, за поиском счастья в дальние края в одиночку отправляются преимущественно мужчины, и они же образуют массив солдат, каторжников, чиновников, миссионеров, купцов и представителей прочих профессий, наиболее востребованных на начальном этапе освоения новых земель, общей проблемой почти для всех переселенческих территорий является значительное превышение численности мужчин над численностью женщин.

«Серьёзной проблемой для русских поселенцев был недостаток женщин. С семьями сюда приезжали только крестьяне, остальным приходилось доживать век бобылями или сходиться с местными уроженками. Священники с неодобрением сообщали, что русские «с татарскими и с остяцкими и вогульскими поганскими жёнами смешаются... а иные живут с татарками некрещёными как есть с своими жёнами и детей приживают». В результате уже в конце XVII века здесь появились многочисленные группы метисов» [13].

Впрочем, в отношении ссыльных Петр Буцинский пишет: «В Сибирь посылались не одни только действительные преступники, но ни в чем не повинные их жены и дети... сначала ссылался преступник, а потом последний, устроившись на месте ссылки, т.е. поставивши двор, бил челом государю о том, чтобы к нему было переведено все семейство» [2, 200]. Этот же автор приводит сведенья, согласно которым, приказ царя Алексей Михайловича тобольским воеводам «разводить русских и татар чтобы они вместе не пили, не ели и не жили...» был вызван жалобой в 1654 году архиепископа Симеонане только на то, что русские «с татарками живут блудно и детей приживают беззаконством», но и «татары с их христианскими женами живут то ж блудно и детей приживают...» [2, 309].

Частичным решением проблемы гендерного дисбаланса является взятие колонистами местных жен. Однако этот путь слабореализуем, если коренные народы «новых земель» малочисленны и находятся на низкой ступени развития. Так, «креольское» население фактически не сложилось на Дальнем Востоке, в большинстве районов Сибири, в Австралии. То же не произошло в Крыму.

Перемещению в Крым в потемкинские времена солдаток и специально купленных крепостных женщин и девушек посвящена зарисовка, содержащаяся в книге Ирины Николаевны Медведевой «Таврида. Исторические очерки и рассказы», изданной в 1956 году в Ленинграде. При этом автор поясняла, что нашла уместным «прибегнуть к некоторой доле вымысла, дополняющего документальные факты и записи современников» [9, 324].

В новейшей истории классическим примером кампании по исправлению гендерного дисбаланса на переселенческих территориях может служить т.н. «хетагуровское» движение в Советском Союзе: «Приезжайте, девушки, к нам на Дальний Восток». По свидетельству очевидцев, приехавшие девушки в подавляющем большинстве выходили замуж в течение считанных дней и недель.

Все эти меры не могли радикально изменить ситуацию в целом. Дисбаланс начинает сходить на нет, лишь когда создаются условия для миграции семьями, или когда миграционный поток (включая присылаемых военных, чиновников, каторжников и т.д.) начинает составлять довольно небольшую долю по отношению к тем, кто родился уже на новой территории.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Основные различия в системе управления переселенческими территориями напрямую зависят от принадлежности империи к колониальному или континентальному типу.

Тем не менее существуют некие общие черты, отличающие формы управления переселенческими территориями от туземных колоний и национальных окраин.

Например, по понятным причинам, для них фактически исключаются такие формы управления, как протекторат и опека, предусматривающие сохранение прежних властных институтов или, по крайней мере, видимости их функционирования.

Тип «генерала-устроителя» (Потемкин, Муравьев, Ермолов), «пионера-основателя» (Родс).

МЕНТАЛИТЕТ

Два основных оплота контрреволюции в годы Гражданской войны – Новороссия и Сибирь – переселенческие территории.

«Колчаковская бюрократия вышла из рядов хищнической и авантюристической по природе кулацкой сибирской интеллигенции» – утверждал некий Л. Китаев, автор предисловия к одному из изданных в 1920-е годы в советской России сборников воспоминаний участников белого движения [14, 4].

ИДЕНТИЧНОСТЬ И СИМВОЛЫ

Характерны наименования территорий «Новая Англия», «Новый Южный Уэльс», «Нуэво-Леон», «Новороссия» и т.д. И города – Нью-Йорк (первоначально – Новый Амстердам), Новый Орлеан, Новороссийск, Новосибирск. «Нью-Мексико». «Новая Каледония».

«Новой Курляндией» именовался остров Тобаго, «Новой Данией» – Никобарские острова, «Новой Швецией» – колония, располагавшаяся на части территории современных штатов Делавэр, Нью-Джерси и Пенсильвании.

Вирджиния – очевидно, связано не только с формально-официальной девственностью королевы Елизаветы I, но и с девственным (для переселенцев) характером новой территории. Вообще же, конечно, много имен правителей, но ими называли объекты не только в переселенческих владениях – водопад Виктория, например.

Экстравагантные заимствования – названия экзотических и легендарных мест. Кроме того, названия, данные коренным населением, но утратившие свой смысл.

ПЛАВИЛЬНЫЙ КОТЕЛ

«Что же касается этнографического состава сибирского населения в обозреваемый нами период (самого начала освоения – О.П.), то оно, помимо туземцев, представляло пеструю, разношерстную массу, оно состояло из немцев австрийских и ливонских, шведов, поляков, литовцев, латышей, мордвы, черемис, русских и даже французов; эта пестрота особенно заметна в Тобольске. Но само собой понятно, что значительное большинство этой массы принадлежало к русскому народу и преимущественно к жителям северных губерний» [2, 219].

В «новой земле» становится возможным соперничество, вражда, прямое столкновение очень разных и далеких в социокультурном отношении этнических группировок, большинство представителей которых, находясь у себя дома, и не подозревали бы о существовании друг друга: например поляков и пуэрто-

риканцев² или корейцев и чеченцев³ [12, 27-28]. Но и представители народов и общин, живших рядом друг с другом и давно враждовавших друг с другом приносят свой конфликт с собой.

«Плавильный котел» рушит общины переселенцев.

Сравнительный анализ еврейской и армянской диаспор, возможно, способен дать ответ на вопрос о том, что повышает сопротивляемость общин работе «плавильного котла».

СТОЛИЦЫ

ВВЕДЕНИЕ: ФЕНОМЕН СТОЛИЦЫ, НУЖНА ЛИ СТРАНЕ СТОЛИЦА И СТОЛИЦЕ СТРАНА, РАЗНООБРАЗИЕ И ТИПОЛОГИЯ СТОЛИЦ.

ПЕРЕНОС СТОЛИЦЫ: ЦЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ.

РАЗДЕЛЕНИЕ СТОЛИЧНЫХ ФУНКЦИЙ: ВИДЫ И МЕТОДЫ.

СТОЛИЦА КАК МЕГАПОЛИС: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ. РЕАЛЬНАЯ И ФОРМАЛЬНАЯ СТОЛИЦЫ.

«СТАРАЯ» СТОЛИЦА И «БЫВШАЯ» СТОЛИЦА

СТОЛИЦА «ДРУГОЙ СТРАНЫ» (ПОСТИМПЕРСКАЯ СТОЛИЦА).

Как отмечает В. Россман, «различные аспекты переноса столиц привлекали внимание специалистов во многих разделах социальных наук – истории, социальной и экономической географии, юриспруденции, теории национализма, изучении стратегий общественного развития (public policy debate), теории и истории международных отношений, истории архитектуры, археологии, политических наук, социологии, экономике, демографии, регионалистике и теории военной стратегии» [11, 16]. Несмотря на то что «политические науки» упомянуты отдельно в конце данного перечня, к ним, так или иначе, относится большая часть из перечисленных дисциплин. Далее данный автор фактически признает, что в центре рассматриваемой им темы вопрос о «формах взаимодействия политики и географии» [11, 19].

С. Кэмпбелл пишет об «отсутствии теории столиц» как о «фундаментальной проблеме» [8, 60].

ПЕРЕНОС СТОЛИЦЫ: ЦЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ

«Периферические приморские столицы часто встречаются в странах, которые когда-то были колониями морских держав» [3, 19]. Многие из них, если не большинство, первоначально представляли собой колонии – форпосты.

«Со времен Первой мировой войны многие столицы были перемещены, причем по самым разным причинам. Несмотря на разнообразие причин, общей тенденцией было сильное смещение вглубь территории, ближе к центру» [3, 21].

Противоположный вариант по отношению к «переезду» столицы: столица осталась, а страна сменилась.

² См. сюжет «Вестсайдской истории».

³ Интересно, что данный факт зафиксирован в воспоминаниях крымского татарина, проживавшего вместе с семьей в одном районе с участниками конфликта.

Братислава, которая долгое время была столицей Венгрии, а потом стала столицей Словакии.

СТОЛИЦА КАК МЕГАПОЛИС

В начале XXI в. Порт-оф-Спейн, столица Тринидада и Тобаго, является только четвертым по числу жителей городом в стране.

СТОЛИЦА «ДРУГОЙ СТРАНЫ»

«Бывшие имперские столицы» – одна из позиций в номенклатуре столиц, предложенной американским географом Питером Холлом [15] и «популярной среди урбанистов»⁴ [11, 42-43].

Библиографический список

1. Аксенов Л., Фетисов А. Далекие острова Вест-Индии. – М., 1984.
2. Буцинский П. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – М., 2012.
3. Готтман Ж. Столичные города // Логос. – 2013 –Т. 94. – №4.
4. Гуть Р.Б. Ледяной поход. Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. Будберг А. Дневник. 1918-1919 годы. – М., 1990.
5. Занятия населения Семикаракорского казачьего юрта и отношение к иногородним/ Семикаракорск – информационный сайт города / http://www.semikarakorsk.ru/gorod_s/Istoriya/zan.html
6. Касис В., Корявин Л., Накаряков В., Перевоицков К., Стуруа М. Закат империи. – М., 1964. – С. 143.
7. Краткий исторический очерк о городе Невинномысске // Невинномысский хронограф/ <http://www.nevchronograph.ru/index.php?page=7>
8. Кэмпбелл Скотт. Идентичность и меняющаяся роль столиц в эпоху глобализации// Логос.– 2013 –Т. 94. – №4
9. Легенды и предания Крыма. – Харьков, 2001.
10. Лошиц Ю.М. Сковорода. – М., 1972.
11. Россман В. Столицы: Их многообразие, закономерности развития и перемещения. М., 2013.
12. Туда, где кончается солнце. Воспоминания, свидетельства, документы. – М., 2002.
13. Эрлихман В. Навстречу Солнцу // Родина. – 2006. – №11. / http://www.istrodina.com/rodina_articul.php?id=2038&n=104
14. Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. – Л., 1991 (репринтное издание 1927 г.).
15. Hall Peter The Changing Role of Capital Cities: Six Types of Capital City // J. Taylor, J.G. Lenggelle and C. Andrew (Eds). Capital Cities/Les Capitales: Perspectives Internationales/International Perspectives. Ottawa: Carleton University Press. 1993.

⁴ Россману, впрочем, данная классификация столиц кажется «логически проблематичной, поскольку разделение понятий здесь идет по разным основаниям.

«THE NEW LAND»: RESETTLEMENT AREAS AND THEIR DEVELOPMENT

O.B. Podvintsev

Perm Federal Research Center UB RAS

In the framework of the study into empires and post-imperial political systems, a special attention is paid to resettled territories, the so-called «New lands». In this paper, the plan of the book and some materials are presented. They are dedicated to a variety of problems related to the development of “New lands”, as well as their destinies during post imperial times.

Keywords: empire, resettlement areas, aboriginals, migration, government, identity.

Сведения об авторе

Подвинцев Олег Борисович (1962-2018), доктор политических наук, заведующий отделом по исследованию политических институтов и процессов, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (ПФИЦ УрО РАН), 614900, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; e-mail: ipl_perm@mail.ru.

Материал поступил в редакцию 14.06.2018 г.